

К.С. Казакова

**ПРОБЛЕМА ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА
В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

Аннотация

На основании этнографических источников конца XIX – начала XX вв. предпринята попытка выявить особенности культурно-образовательных процессов среди различных групп населения Кольского Севера. Анализу подвергаются авторские оценки уровня грамотности коренного и пришлого населения, а также авторские позиции о необходимости конкретных мер по подъему народного образования. Вместе с тем многие авторы сходятся во мнении, что повышение грамотности коренного населения приведет к его постепенному «обрусению». Во многих этнографических текстах конца XIX – начала XX вв. развитие образования рассматривается как решающий фактор успешной колонизационной политики на Севере. В ходе анализа этнографических источников был сделан вывод о том, что успех образовательной политики детерминирован этнокультурными особенностями различных групп населения Кольского Севера.

Ключевые слова:

грамотность, коренное, старожильское, пришлое население, Кольский Север, саамы, поморы, этнографические источники.

K.S. Kazakova

**THE PROBLEM OF LITERACY OF THE POPULATION OF THE KOLA NORTH
IN ETHNOGRAPHIC SOURCES OF THE LATE XIX - EARLY XX CENTURIES**

Abstract

Based on ethnographic sources of the late XIX - early XX centuries the features of cultural and educational processes among different population groups on the Kola North are considered. The author's assessments of the level of literacy of the indigenous and newcomers, as well as author's positions on the need for specific measures to raise public education, are analyzed. At the same time, many authors agree that increasing the level of the literacy of the indigenous population will lead to a gradual assimilation of the indigenous and newcomers people. In many ethnographic texts of the late XIX - early XX century the development of education is seen as a decisive factor in the successful colonization policy in the North. Based on the study of ethnographic sources, it is concluded that the success of educational policy is determined by the ethno-cultural characteristics of various groups of the population of the Kola North.

Key words:

literacy, indigenous population, Kola North, Saami, ethnographers.

Особенности культурного развития коренного населения Кольского Севера являются ключевой темой многих этнографических текстов второй половины XIX – начала XX вв. Классические этнографические труды

представлены сочинениями В. И. Немировича-Данченко, Н. Н. Харузина, Н. Дергачева и многих других. Значительная часть сочинений, посвященных описанию культуры кольских саамов, относится к жанру путевых записок – разновидности документального (или публицистического) очерка. Исследователи отмечают, что, несмотря на различный характер научных организаций, командирующих исследователей для этнографического изучения саамов, их объединяют две общие задачи, которые они ставят перед своими агентами: 1) изучить культурное состояние автохтонного населения Кольского полуострова; 2) обосновать необходимость дальнейшей колонизации Севера и создать для него почву [Бодрова, 2009].

В этнографических текстах второй половины XIX – начала XX вв. содержатся как сведения о школах, так и авторские оценки культурных процессов, происходящих в среде коренного населения. В основном авторы, преследуя колониальные интересы, оценивают уровень грамотности саамов как «низкий» и обосновывают необходимость повышения «культурного уровня» коренного населения.

Так, Н. Дергачев отмечает, что лопари не знают ни печатных, ни письменных букв, но употребляют вместо письма клейма. «Во всех лопарских обществах сельских училищ никогда открываемо не было, поэтому грамотности между туземцами почти совершенно нет», – сообщает читателю автор [Дергачев, 1877: 22]. Н. Дергачев приводит данные о том, что в течение 10 лет (до 1867 года) в Кольском приходском училище <единственном учебном заведении на тот момент – К.К.> обучалось всего 3 мальчика и 1 девочка. Причина «жалкого распространения грамотности между лопарями» [Там же], по мнению автора, заключается не в их равнодушии к обучению, а, скорее, в бедности коренного населения. «Несколько лопарских семейств охотно отдали бы своих детей учить грамоте, если бы были открыты школы», – пишет автор [Дергачев, 1877: 22]. Н. Дергачев считает необходимым увеличение числа школ для коренного населения в зимних погостах или около приходских церквей.

Сведения о низком уровне грамотности среди коренного населения мы встречаем и у Н.Н. Харузина (рис. 1). Так, автор отмечает, что «дело образования стояло еще хуже до последнего времени, чем дело проповеди» [Харузин, 1890: 76]. В подтверждение данного высказывания Н.Н. Харузин приводит сведения из сочинения уже упоминавшегося Н. Дергачева о незначительном количестве учеников саамов в школе города Колы. Н. Харузин пишет: «Неохотно отдают лопари своих детей в школу и не оттого, чтобы они чурались грамотности, а вследствие того, что Кольская школа слишком отдалена от лопарских погостов, если не считать Кильдинского, самого близкого к Коле, отстоящего от нее в 13-ти верстах, – и оттого, что, оставив своего сына в Коле, лопарь должен платить за его содержание, что обременительно ложится на постоянно бедствующего и бьющегося в долгах лопаря» [Харузин, 1890: 76]. Таким образом, в тексте Н.Н. Харузина мы имеем дело с продолжением предшествующего сочинения Н. Дергачева. Подобное явление, когда один автор приводит в своем сочинении текст своего предшественника, как отмечает О. А. Бодрова, является типичной чертой этнографической литературы о саамах [Бодрова, 2014: 44].

Многие авторы, доказывая необходимость подъема «дела просвещения» среди коренного населения Кольского Севера, пишут о желании лопарей

учиться. Так, в сочинении Н. Дергачева читаем: «Сами лопари сознают уже потребность грамоты и развития своих детей, следовательно тем легче прививаются начала образования и наверное в скором времени принесут обильные плоды развития, а вместе с тем смягчение нравов и улучшение их быта» [Дергачев, 1877: 23]. Стремление лопарей к грамотности отмечает и В. И. Немирович-Данченко, описывая свое путешествие по Русской Лапландии в 1875 году. «Лопари не только признают пользу грамотности, но и желают учиться. Где бы я ни был, всюду лопари осаждали меня просьбами указать им, как завести свою школу», – сообщает автор [Немирович-Данченко, 1877: 124]. Также о «бесконечных» просьбах лопарей об открытии школ пишет Н. Козмин в путевых заметках «По школам Лапландии» (рис. 2) [Козьмин, 1912: 12].

Авторы многих этнографических текстов, говоря о распространении грамотности среди саамов, сообщают читателю сведения о Пазрецкой лопарской школе. Также в большом количестве этнографических текстов встречаются сведения о К. П. Щеколдине и Г. К. Терентьеве, известных своей широкой просветительской деятельностью. Так, сведения о Пазрецкой школе приводит в своем очерке «Русские лопари» Н. Н. Харузин, являвшийся одним из благотворителей этой школы. Большое количество учеников в этой школе доказывает, по мнению автора, тот факт, что лопари не «чуждаются просвещения», а причина низкой грамотности саамского населения кроется в том, что «для просвещения этого забытого в полярной стране народа ничего не было сделано» [Харузин, 1890: 77]. «Нельзя не пожелать, чтобы столь успешно начатое дело просвещения лопарей развивалось и росло дальше, крепло и пускало все глубже и глубже корни в молодую, оставленную так долго без внимания, почву. Среди мер, который могут послужить к поднятию лопарей из того положения, в котором они находятся, одной из главных является просвещение», – заключает автор [Харузин, 1890: 77]. К. Спасский, отмечая, что только школа способна улучшить быт лопарей, пишет о том, что примером для подражания является священник Константин Щеколдин, который «посвятил себя великому делу – просвещению лопарей и уже более 20 лет работает в глуши Лапландии, обучает грамоте лопарских детей и наставляет взрослых» [Спасский, 1899: 229].

Стоит отметить, что особенностью школы в Пазрецком погосте был сезонный характер обучения, разработанный К. Щеколдиным в соответствии с хозяйственным календарем саамов. Н. Козьмин, совершивший в 1911 году поездку с целью обозрения школ Александровского уезда, в своем сочинении писал о том, что занятия в Пазрецкой школе, в отличие от других погостов, начинались уже с сентября. Для этого в месте летнего становища на средства Училищного совета было устроено общежитие для лопарских детей. В зимние месяцы занятия проходили в здании школы в зимнем погосте. В этнографической литературе Пазрецкая лопарская школа получила название «передвижной школы» Константина Щеколдина.

«Нельзя не отнестись с особенным сочувствием к тому, что место для школы было выбрано именно в Лопарском зимнем погосте, а не около церкви. Представляя большие неудобства для учителя, которому приходится ехать так далеко для обучения лопарей, близость школы к погосту имеет для лопарей огромное преимущество», – писал Н. Харузин [Харузин, 1890: 77].

«При врожденной впечатлительности и восприимчивости лопарей учение идет успешно и бойко. В своих неоднократно опубликованных записках К. П. Щеколдин, вопреки распространенному тогда мнению, постоянно подчеркивал глубокие национальные традиции лопарей, их любовь к своему краю, природе, способность и стремление к учению, своеобразное чувство юмора и нравственную чистоту», – писал в своей книге Е. В. Кочетов, совершивший 23-дневную поездку по Северу России в июне 1894 года [Львов, 1895: 192].

Успех обучения в Пазрецкой школе, по мнению авторов, во многом объяснялся тем, что занятия с учениками К. Щеколдин отчасти вел на родном для них языке. В 1894 году была опубликована первая книга на саамском языке «Евангелия от Матфея», а затем в следующем, 1895 году, издана «Азбука для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии» – первый саамский учебник (рис. 3). Книги получили широкое распространение по всему Кольскому Северу. К примеру, заведующий Сонгельской церковно-приходской школой Михаил Терентьев уведомлял Кольское училищное отделение, что «при занятиях с учениками будет это Евангелие познано, а с лопарями, умеющими хорошо говорить по-русски, будет переведена вторая глава» [Ермолаев, 2009: 4].

Несмотря на успешный опыт Пазрецкой школы, говорить о масштабном распространении церковно-приходских школ на Севере в конце XIX века не приходится. Такое положение было связано с рядом факторов, о которых пишет, например, А. С. Розонов. Автор указывает на недостаточность средств, отсутствие специальной подготовки учителей, затруднительность для священников отрывать время от своих прямых обязанностей. Однако одной из главных трудностей обучения в лопарских школах является, по мнению автора, языковой барьер между учителями и учениками. «Ко всем прочим недостаткам церковно-приходских школ присоединяется то обстоятельство, что преподавание ведется на чужом детям языке <...> женщины и дети совершенно не понимают русского языка», – отмечает А.С. Розонов [Розонов, 1903: 122]. В заключение автор пишет о необходимых мерах «культурного подъема» лопарей. Для этого, по его мнению, необходим целый ряд мероприятий, на первое место среди которых автор выдвигает устройство «хорошей школы». «В Лапландии больше, чем где либо, условия жизни требуют энергии, выдержки, способности к неустанному систематическому труду, качества возможные лишь при высоком культурном уровне населения», – заключает А. С. Розонов [Розонов, 1903: 123].

Обучение саамов грамоте осложнялось не только языковым барьером между учителем и учениками, но и коротким периодом обучения, обусловленным сезонным характером хозяйствования коренного населения. Так, во многих саамских школах, расположенных вблизи зимних погостов, учебный год начинался только в ноябре–декабре и заканчивался в марте–апреле. Чтобы сделать более продолжительным учебный год в лопарских школах, в своем сочинении Н. Козьмин обосновывал необходимость устройства при школах общежития для детей-школьников. Стоит отметить, что в данном случае речь идет именно об организации постоянного проживания детей при школе с целью продления учебного периода, то есть отрыве саамских детей от промыслов, что существенно отличается от опыта «передвижной» школы Константина Щеколдина.

С началом активной колонизации края в начале XX века в этнографических текстах все чаще встречаются высказывания о необходимости просвещения коренного населения Кольского Севера. Несмотря на признание несправедливости колонизационного процесса по отношению к саамам, большинство авторов отмечает, что Российское государство приносит саамам перспективы для выживания и развития [Бодрова, 2014: 136].

Многие авторы видят в просвещении коренного населения необходимое условие для успешной колонизации края. «Несмотря на природные богатства, край этот остается далеко не использованным, население существует кое-как, остается на самом низком уровне культурного развития. Самая энергичная борьба с безграмотностью, рутинной, возможно большее насаждение школ, вот единственное, по моему убеждению, основанному на многолетнем наблюдении средство как к поднятию промысловой деятельности Мурмана, так и к привлечению сюда пригодных для дела переселенцев и объединению разобщенных национальностей», – пишет в своем сочинении А.А. Мухин [Мухин, 1910: 48].

Вот еще пример. Г.Ф. Гебель, рассматривая особенности колонизационного процесса, отмечал: «Далеко важнее вопрос о том, в состоянии ли лопарь воспринять культуру и сделаться оседлым, представляет ли он из себя годный материал для колонизации собственной страны. На этот вопрос кажется можно ответить утвердительно» [Гебель, 1909: 84]. Главным институтом, способным обрусить и ассимилировать лопарей и русских, по мнению автора, должны были стать русские школы.

Таким образом, во всех рассмотренных этнографических сочинениях лейтмотивом является необходимость поднять «культурный уровень» коренного населения. Авторы пишут о стремлении саамов к грамотности, положительном опыте деятелей просвещения, отмечают объективные трудности в развитии саамских школ. Однако во всех проанализированных этнографических текстах школе отводится особая роль в успехе колонизационного процесса на Кольском Севере.

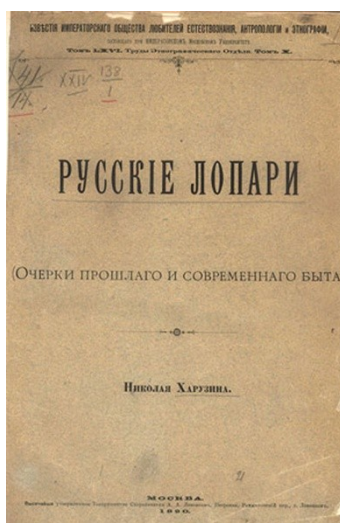

Рис. 1. Н. Н. Харузин.
Русские лопари. 1890 г.

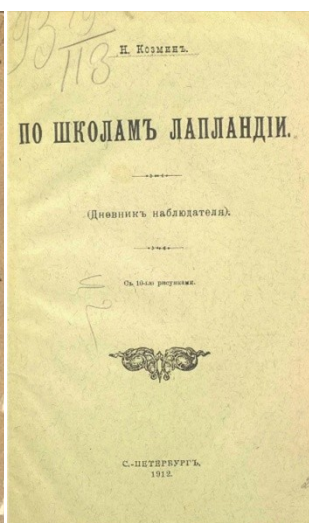

Рис. 2. Н. Козмин.
По школам
Лапландии. 1912 г.

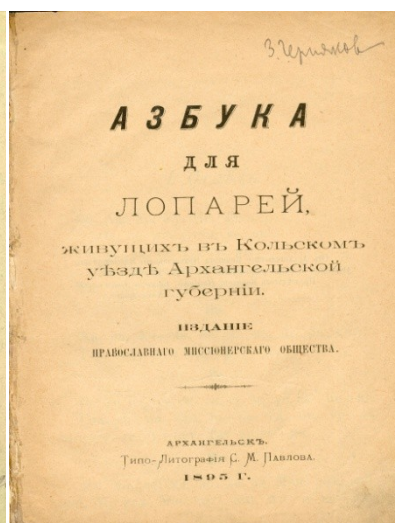

Рис. 3. Азбука для лопарей.
1895 г.

Немного иная образовательная ситуация, согласно этнографическим описаниям, наблюдалась в поморских селах. В отличие от саамских, в поморских школах учеников было больше, а учителями были, как правило, выпускники Архангельского епархиального училища. Так, например, в Понойской школе существовало три отделения: младшее, среднее и старшее, с общим количеством учащихся около 30 человек, а учеба начиналась с начала сентября, – сообщал в своем обзоре Н. Козьмин. [Козьмин, 1912: 24] Понойская школа была открыта в 1884 году и помещалась сначала в доме священника, а потом в собственном здании, приобретенном путем пожертвования. Надо отметить, что во всех поморских селах крестьяне исправно платили добровольные взносы, которые расходовались на содержание школьных зданий и жалование учителю.

На Терском берегу были расположены Чапомская, Пялицкая, Тетринская начальные церковно-приходские школы, также школы были в селах Кузомень, Варзуга, Кашкаранцы и Умба. В «Архангельских епархиальных ведомостях» нередко помещались очерки о школах Кольского уезда, написанные местными священниками. В одном из них, посвященном Варзугской церковно-приходской школе, отмечается, что грамотность в приходе традиционно поддерживалась самими крестьянами: у грамотного отца был грамотный сын. Священник Николай Попов в заключение очерка пишет о том, что крестьяне села Варзуга относятся к школе сочувственно, выделяя средства на ее содержание и даже часть средств на вознаграждение учительницы. «Школа оказывает благотворное влияние не только на учащихся, но и на семейства их: в воскресные и праздничные дни нередкость встретишь бывших учащихся за книгою среди семьи: при отлучках на промыслы крестьяне запасаются книгами для чтения и наконец усвоение крестьянским населением истин веры и нравственности христианской с большей сознательностью теперь чем прежде свидетельствует о том же», – резюмирует автор [Попов, 1904: 461]

Нередко небольшие школы в поморских селах оказывались на грани закрытия. Так, например, из очерка неизвестного автора видно, что жители села Пялица, не имеющие в течение нескольких лет прибыли от промыслов, оказались не в состоянии содержать здание школы и платить дополнительное жалование учительнице. Автор считает необходимым обратить на это внимание епархиального начальства и найти возможность «освободить обедневшее общество от непосильного для него участия в содержании школы» [Пялицкая школа, 1908: 173].

Иная ситуация наблюдалась в Кандалакшской церковно-приходской школе. Из очерка священника В. Рябова следует, что школа почти полностью содержалась за счет церковных сумм, а жители села почти не оказывали никакой финансовой помощи школе. «При недостаточно сочувственном теперь отношении к школе взрослого крестьянского населения и недостаток средств на ее содержание, учащие убеждены, что молодое поколение крестьян, пройдя школу, поймет значение школьного обучения и оценит школу», – отмечает в своем очерке священник [Рябов, 1904: 714].

Таким образом, на основании анализа сочинений, посвященных состоянию школьного образования среди старожильского населения, можно сделать вывод о том, что уровень грамотности населения Терского берега был также невысок, однако с повсеместным учреждением церковно-приходских

школ в поморских селах в последней трети XIX века ситуация менялась. Заинтересованность крестьян в развитии грамотности проявлялась в финансовой поддержке школ, наполняемости классов, приглашении квалифицированных учителей.

В последней трети XIX в. активизировался процесс колонизации Мурманского берега. Этнографические источники, которые содержат информацию о быте колонистов, по целевому назначению и жанру относятся к литературе путешествий или представляют «путеводители», включающие описание средств и обстоятельств передвижения, картин природы и жизни колонистов. Объектом авторских наблюдений часто оказывались представители разных культур: норвежцы, финны, поморы, восточные саамы. Так, например, А. П. Энгельгардт в своих очерках подробно описывал колонию Ура, заселенную финнами. Автор подчеркивал опрятность домов и внутреннего устройства жилища. «В каждом доме мы находили шкаф с книгами и даже газеты, дети обучаются самими родителями грамоте», – писал автор [Энгельгардт, 1895: 114]. Вместе с тем А. П. Энгельгардт отмечал, что ни одна из женщин не владеет русским языком. «Спрашивали мы, почему они не выучатся русскому языку ... На это они отвечали – устройте нам русскую школу, мы охотно будем учиться по-русски, пошлем в школу всех наших детей, теперь мы учим их сами и конечно только тому, что сами знаем, ведь на всем Мурмане нет ни одной школы», – пишет автор [Энгельгардт, 1895: 114]. Тем не менее существуют и другие источники, указывающие на нежелание иностранных колонистов изучать русский язык. Так, Е. А. Орехова пишет о том, что среди населения финских и норвежских колоний часто грамотными были все жители старше 6–7 лет, однако там детей обучали только финской или норвежской грамоте [Орехова, 2009: 178]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в различных колониях существовали разнонаправленные языковые стратегии.

Значительный интерес представляют сведения о Мурманском побережье контр-адмирала А. К. Сиденснера. В своем труде он не только дал всестороннюю характеристику региона, показал перспективы его развития, но и уделил внимание вопросам колонизации побережья, а также описал финские колонии. В частности, А. К. Сиденснер отмечал, что финские колонисты отличаются всеобщей грамотностью, трудолюбием, трезвостью и бережливостью, при этом они абсолютно не знали русского языка и традиций [Сиденснер, 1909: 41, 99]. «Самой существенной мерой для развития нашего Северного края, как в экономическом, так и в государственном отношении должна явиться прежде всего забота о самом широком распространении в Северном крае грамотности», – подчеркивал А.К. Сиденснер [Сиденснер, 1909: 91].

После поездки по Мурманскому берегу летом 1889 года священник Архангельской епархии, подписавший свой труд лишь инициалами П. И., опубликовал в Архангельских епархиальных ведомостях статью, в которой отмечал низкий уровень грамотности населения Кольского Севера. По его наблюдениям, грамотных среди колонистов было мало, в основном мужчины, получившие образование еще до переселения на Мурман. «Колонисты желали бы иметь в Гаврилове самостоятельный причт и школу. Их учреждение могло бы предупредить в колонии развитие раскола, последователи которого есть между колонистами, переселенцами из Кемского уезда», – считает автор [Из дневника, 1890: 185].

О необходимости развития грамотности среди колонистов пишет Г. Ф. Гебель. Так, автор полагает, что каждая колония должна иметь свою школу, при которой должны быть устроены пансионаты, где за небольшую плату могли бы учиться дети из соседних колоний. «Только при помощи русской школы может состояться сближение инородческих элементов с русским, только при помощи школы могут из детей русских колонистов выйти полезные люди. Без школы и те родители, которые вполне сознают важность школьного воспитания, не в состоянии давать его своим детям, как это они могли бы сделать в тех местах, откуда они переселились на Мурман» [Гебель, 1909: 196]. После устройства русских школ в инородческих колониях автор считает возможным установить правило о недопуске к конфирмации колонистов, не умеющих читать и писать по-русски.

Исключительно ценную информацию, касающуюся первых этапов колонизационного процесса, содержат материалы статистического описания Мурмана, осуществленного в 1899 году [Материалы, 1902]. Описание проводилось группой исследователей по обширной программе, включающей этнографические сведения, и в течение двух с половиной месяцев охватило весь берег. Государственное значение таких предприятий было связано с изучением экономического потенциала территории, фактические же результаты были гораздо шире. В данном случае были описаны все колонии по комплексу показателей, что позволяет делать выводы относительно численности колонистов, их культурного уровня, включая показатель грамотности. В целом, проанализировав представленные сведения, можно сказать, что во многих колониях Мурманского берега школы попросту отсутствовали. Самым распространенным типом школ были церковно-приходские, где преподавали начальные знания либо священник, либо члены причты. Общей проблемой становилось размещение школ, отсутствие для этого необходимых помещений.

Второе статистико-экономическое обследование Мурмана было осуществлено в 1920–1922 годах благодаря деятельности Северной научно-промысловой экспедиции. Проводились ревизия состояния промыслов и сплошная похозяйственная перепись [Воленс, 1926]. В материалах содержится информация о типах хозяйств на Западном и Восточном Мурмане, сведения об этнической ситуации на побережье (ассимиляционном процессе), общей «культурности» разных категорий жителей и т.п. Так, в отчете приводятся данные о грамотности отдельных национальных групп на Мурмане. Наиболее грамотными, по данным наблюдателей, были норвежцы и финны. Тем не менее Н. В. Воленс отмечала, что ассимиляционные процессы происходили таким образом, что «затерянность среди чуждых национальностей уменьшает потребность в русской школе, не подчиняя однако культурному влиянию достаточно сильному, чтобы послать детей в чужую школу» [Воленс, 1926: 17]. Еще одним важным наблюдением, на которое обращает внимание автор, является «одичание» Западного Мурмана, особенно финской части населения, вследствие его культурной оторванности от привычной среды и правительственного отношения к иноязычной школе [Воленс, 1926: 16–17].

Таким образом, на основании анализа этнографических сочинений конца XIX – начала XX веков можно сделать вывод о том, что именно в этот период на Кольском Севере начинается процесс становления начального образования. Многие авторы отмечали, что уровень грамотности населения региона к этому

времени был достаточно низкий. Тем не менее процесс развития школьного образования среди отдельных групп населения имел свою специфику. Так, особенности хозяйственной деятельности коренного населения, низкая заинтересованность в процессе обучения обуславливали определенные трудности в развитии школьного дела среди саамского населения. Жители поморских сел, напротив, были активно вовлечены в процесс обучения, оказывая финансовую поддержку открывающимся школам. Становление системы начального образования в северных колониях также сопровождалось определенными трудностями. В целом многие авторы этнографических текстов полагали, что просвещение должно стать основой всего колонизационного процесса на Кольском Севере, а школа – центром социальной инфраструктуры развивающегося региона.

Список источников и литературы

Бодрова О. А. В поисках отражения: саамы Кольского Севера в русской этнографической литературе второй половины XIX – начала XX вв. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2014. 168 с.

Бодрова О. А. Саамы в русской этнографической литературе второй половины XIX – начала XX веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Апатиты, 2009.

Воленс Н. В. Колонисты Мурмана и их хозяйство: Материалы стат.-экон. исслед. 1921–1922 гг. М.: Тип. Химтехиздата, 1926. 112 с.

Гебель Г. Ф. Наша Лапландия. СПб.: [б.и.], 1909. 314 с.

Дергачев Н. Русская Лапландия. Архангельск, 1877. [2], 108, 132, 61 с., 2 л. табл.

Ермолаев Д. Русский священник: просветитель, полицейский и медик // Мурманский вестник. 2009. 13 октября. С. 4.

Из дневника миссионера. Наблюдения и заметки во время поездки на Мурманский берег летом 1889 г. Священник П.И. // Архангельские епархиальные ведомости. 1890. № 11. С. 178–193.

Козмин Н. По школам Лапландии (Дневник наблюдателя). С-Петербург, 1912. 31с.

Львов Е. По Студеному морю. Поездка на Север. М., 1895. 249 с.

Материалы по статистическому исследованию Мурмана. В 4 т. Т. 2. Вып. 1. Описание колоний Восточного берега и Кольской губы / Ком. для помощи поморам Рус. Севера / под общ. ред. Н. В. Романова. СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1902. 273 с.

Мухин А. А. О Мурмане и Лопландии. Записки Чиновника по крестьянским делам 1-го участка Александровского уезда А.А. Мухина. Архангельск: Губкрнская тип., 1910. 50 с.

Немирович-Данченко В.И. Лапландия и лапландцы: Публичные лекции, читанные в 1875 г. в Санкт-Петербургском педагогическом музее. СПб.: тип. В. А. Тушнова, 1877. 228 с.

Орехова Е. А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX – первой трети XX вв.: спец. 07.00.02 Отечественная история: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2009. 311 с.

Попов Н. Варзугская церковно-приходская школа Александровского уезда Архангельской епархии // Архангельские епархиальные ведомости. 1904. № 11. С. 457–462.

Пялицкая школа Александровского уезда [б.а.] // Архангельские епархиальные ведомости. 1908. № 6. С. 170–174.

Розонов А. С. Лапландия и лапландцы. СПб.: тип. И. Усманова, 1903. 116 с.

Рябов В. Кандалакшская церковно-приходская школа Кемского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1904. № 18. С. 710–714.

Сиденснер А. Описание Мурманского побережья. М.; СПб.: Тип. Морского Министерства, 1909. 272 с.

Спасский К. Лопари // Русская земля (Природа страны, население и его промыслы): Сборник для народного чтения. СПб.: типо-литография М. П. Фроловой, 1899. Т.1. С. 22–231.

Харузин Н. Н. Русские лопари: Очерки прошлого и современного быта. М.: т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1890. 472 с.

Энгельгардт А. П. Очерк путешествия архангельского губернатора А. П. Энгельгардта в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск: Губернская типография, 1895. 128 с.

Сведения об авторе

Казакова Ксения Сергеевна,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Kazakova Ksenia Sergeevna,

PhD (History), Research Fellow of the Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre, RAS

УДК 34.023+34.096

Т.Р. Полищук-Молодожена

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация

Исследуются проблемы, связанные с правовым статусом коренных малочисленных народов России, на примере саамов, проживающих на территории Мурманской области. Анализируются коллизии терминологии действующего российского законодательства о защите прав коренных малочисленных народов, а также неопределенность порядка наделения статусом лиц, относящих себя к коренным малочисленным народам.

Ключевые слова:

правовой статус, коренные народы, малочисленные народы, национальная принадлежность.